

ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Г. ГИГГСЪ.

Физиократы.

Переводъ подъ редакціей П. Струве.

Цѣна 50 коп.

Книжный магазинъ и складъ изданій О. Н. Поповой
С.-Петербургъ, Невскій, 54.

1899.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ О. Н. ПОПОВОЙ,

С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Изданія О. Н. Поповой: Образовательная библіотека.

Изданіе выходитъ серіями, по одной въ годъ, заключающими каждая 10 книжекъ отъ 7 до 12 печатныхъ листовъ небольшого формата плотной печати.

Задача Образоват. Библіотеки — дать рядъ общедоступно составленныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія. Естественнаго во всемъ его объемѣ, философіи и ея исторіи, психологіи, этики и эстетики, исторіи культуры и социологіи, политическая экономія и правовѣденіе, исторіи литературы и искусства — всѣ эти отрасли будутъ представлены въ „Образ. Библіотекѣ“.

Серія 1898 года.

Вышли изъ печати:

ПАРБУСЪ. Мировой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. (Der Weltmarkt und die Agrarkrisis). Переводъ съ нѣмецкаго Л. Я. Ц. 40 к.

ЧЕМБЕРСЪ. Солнечная система. Переводъ съ англійск. В. Щигловой. Съ 78 рис. Ц. 40 к.

ЛАНГЛУА и СЕНЬОВОСЪ. Введеніе въ изученіе исторіи. Переводъ съ французскаго А. Серебряковой. Спб. 99. Ц. 1 р.

БОЛИНЪ. Спиноза. Біографическій и культурно-историческій очеркъ, съ портретомъ Спинозы. Перев. съ англ. З. Журавекой и Д. Страндена, подъ ред. П. Струве. Спб. 99. Ц. 60 к.

ГЕГГЕСЪ. Физиократы. Французскіе экономисты XVIII вѣка. Перев. съ англ. О. Н. Гофманъ подъ ред. П. Струве. Спб. 99. Ц. 50 к.

Выйдутъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: Гумпловичъ, Основанія социологіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. В. М. Гессена. **Мильталеръ.** Что такое красота. Введеніе въ эстетику. Перев. З. А. Венгеровой и др.

2-я серія составитъ около 100 печатныхъ листовъ (до 1.600 страницъ).

Цѣна по подпискѣ 4 р., съ перес. 5 р.

Серія 1897 года.

№ 1 и 2. **Э. КЛОДДЪ. Картина міра. Дѣтство человечества.** Піонеры эволюціи XIX в. 488 стр. съ 93 рис. Ц. 1 р.

№ 3. **Д. ЧЕМБЕРСЪ. Повѣсть о заѣздахъ.** 20 рисунк. и 2 карт. всего заѣзднаго неба. 132 стр. Ц. 40 к. Учен. Комитет. М. Нар. Просв. рекомендована для ученич. библіотекъ (старш. и средн. возр.) средн. учебн. заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для безплатн. народн. библіотекъ и читальнъ.

№ 4 и 5. **Н. КАРЫШЕВЪ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ.** 600 стр. Ц. 1 р. 20 к.

№ 6 и 7. **А. ЛАМПЛА. Силы природы и естественные законы.** Съ портретами: Ньютона, Галилея, Кавендиша, Фарадея, Гельмгольца, Лапласа, Канта, Тиндалла, Джоуля, Бунзена, Максвелла, Кельвина, Сименса, Герца и Рентгена. Дѣйств. части. Ц. по 50 к. за часть.

Учен. К. М. Н. Пр. признала заслуживающей особой рекомендаціи для фундам. и ученич. старш. возр. библиотекъ, мужск. гимназій и реальн. училищъ, для фундам. библиотекъ, женск. гимн. и учит. институтовъ и семинарій, а также для народн. библиотекъ и читальнъ.

№ 8 и 9. **С. СЧЕНОВЪ. И. Физиологическіе очерки.** Съ 116 рис. Ц. за 2 части 1 р. 50 к.

№ 10. **БРОНЕНБЕРГЪ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли.** 120 стр., съ портретомъ Канта. Ц. 40 к.

Цѣна 1-ой серіи 4 р., съ перес. 5 р. При розничной продажѣ учащимся 20% уступки.

Образовательная библіотека.

Серія 2-я (1898 г.) № 6.

Г. Гиггсѣ.

(Henry Higgs).

Физиократы.

Французскіе экономисты XVIII вѣка.

Шесть лекцій по исторіи политической экономіи (читаны въ
Лондонской Экономической Школѣ).

Переводъ съ англійскаго О. Ю. Гофманъ

подъ редакціей П. Б. Струве.

Цѣна 50 коп.

Книжный магазинъ и контора изданій О. Н. Поповой.

Слѣб. Невскій, 54.

1899.

Econ 14-5. 4110
✓

Duplicate Money

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Ноября 1898 г.

F

Текстъ печатанъ въ типографіи А. Лейфорта, Б. Морская, 65.
Обложка и титулъ въ типографіи Исидора Гольдбергга, Екатерин. кан., 94.

I.

О физиократахъ было произнесено такъ много разнорѣчивыхъ сужденій со стороны историковъ, философовъ, экономистовъ и государствовѣдовъ, что врядъ ли найдется какое нибудь важное и общее положеніе, которое было бы высказано о нихъ однимъ писателемъ и не было бы опровергнуто другимъ. Токвиль видѣлъ въ нихъ писателей, доктринерски защищавшихъ абсолютное равенство. Руссо считалъ ихъ представителями „легальнаго“ и, по своей легальности, ненавистнаго для него деспотизма. Профессоръ Конъ находитъ ихъ главные предложенія „вполнѣ“ социалистическими. Луи Блану они казались проникнутыми *буржуазнымъ* индивидуализмомъ. Для Лэнга ихъ мистическій жаргонъ представлялся шарлатанской безсмыслицей, которую они сами едва ли понимали. Вольтеръ, наоборотъ, находилъ ихъ ученіе крайне яснымъ и доступнымъ (и смѣшнымъ) даже для людей средняго пониманія. Тэнъ и многіе другіе писатели полагали, что физиократы могущественно содѣйствовали революціи. Для Карлейля, который относился иронически къ „побѣдоносному анализу“ и съ презрѣніемъ говорилъ о „кисло-сладкомъ сентиментализмѣ“, они были просто незначительною литературною струею, всплывшею на поверхности великаго потока. Русси восхвалялъ ихъ за широкое синтетическое пониманіе социальнаго строя. Нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ Мабли, обвиняли ихъ въ уакомъ матеріализмѣ, другіе же судьи считали

ихъ опредѣленными деистами. Прудонъ видѣлъ въ ихъ системѣ налоговъ прекрасную утопію, другіе же находили у нихъ полное отсутствіе какого бы то ни было идеала. Де-Ломени находить у нихъ удивительное сочетаніе самыхъ противорѣчивыхъ взглядовъ — монархическихъ, демократическихъ, полу-соціалистическихъ и ультраконсервативныхъ. Адамъ Смитъ утверждалъ, что „изъ всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ сочиненій по политической экономіи, ихъ система, несмотря на всѣ присущіе ей недостатки, наиболѣе приближается къ истинѣ, и поэтому заслуживаетъ вниманія всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ тщательно изслѣдовать основные принципы этой великой науки“. Многіе составители маленькихъ руководствъ по политической экономіи, считавшіе себя болѣе компетентными, чѣмъ Адамъ Смитъ, относились къ нимъ, какъ къ людямъ, жившимъ въ невѣжественную эпоху до 1776 года и проповѣдывавшимъ нелѣпные взгляды на землю. По мнѣнію однихъ писателей, ученіе ихъ имѣло временный успѣхъ, который смѣнился полною и продолжительною реакціею. Въ то же время Леонъ Сэ утверждаетъ, что принципы ихъ, потерпѣвшіе крушеніе въ XVIII вѣкѣ, приобрѣли господствующее значеніе въ XIX вѣкѣ. Нѣкоторые серьезные писатели, тщательно искавшіе историческихъ прецедентовъ для своихъ идей, ссылались на авторитетъ физиократовъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, другіе же, отстаивая оригинальность своихъ ученій, съ жаромъ доказывали, что идеи, которыя они выдвигали на первый планъ, были совсѣмъ чужды физиократамъ. Большинство же писателей ограничивалось тѣмъ, что повторяло истрепанныя ходячія фразы того или другого изъ предшественниковъ, совсѣмъ не обращаясь къ подлиннымъ сочиненіямъ физиократовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, никто изъ современныхъ писателей не читалъ всѣхъ изданныхъ сочиненій какого бы то ни было представителя школы физиократовъ, напр., маркиза Мирабо. Къ счастью, теперь это лишне. Разъ основные принципы ихъ доктрины вполне усвоены нами, мы избавлены отъ необходимости перечитывать растянутыя повторенія и скучное фразерство, которыми переполнены девять десятыхъ ихъ литературныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе, такое изученіе необходимо

для надлежащаго ознакомленія съ исторіею экономическихъ теорій, ибо первую научною школою въ политической экономіи были физиократы.

Правда, меркантилисты предшествовали физиократамъ, но, строго говоря, они не были вовсе „школой“. Между различными писателями, являвшимися въ продолженіе болѣе столѣтія представителями такъ называемой „меркантильной системы“, нѣтъ никакой внутренней связи.

Подъ общей кличкой меркантилизма объединяются различные взгляды, которые доказываютъ только общность тенденцій ихъ авторовъ, но никакимъ образомъ не свидѣлствуютъ объ общей доктринѣ или даже о знакомствѣ съ сочиненіями другъ друга. Въ лицѣ физиократовъ, наоборотъ, мы видимъ союзъ людей, связанныхъ между собою общностью идей и признаніемъ извѣстныхъ авторитетовъ, людей, преслѣдующихъ опредѣленные цѣли, во имя которыхъ они сплотились въ обособленную группу. Противъ такого союза ожесточенно возсталъ Тюрго, поклонникъ индивидуальной свободы мысли и дѣйствія. „Сектантскій духъ“, говоритъ онъ, „порождаетъ противъ полезныхъ истинъ вражду и вызываетъ ихъ преслѣдованія. Когда отдѣльное лицо скромно отстаиваетъ то, что кажется ему истиной, его выслушиваютъ, если оно право, и о немъ забываютъ, если оно неправо. Но когда ученые спланиваются въ тѣсный союзъ, когда они, говоря о себѣ, пишутъ „мы“ и думаютъ, что они могутъ предписывать законы и господствовать надъ общественнымъ мнѣніемъ, тогда оно справедливо возмущается противъ нихъ, ибо только одна истина, а не какойнибудь авторитетъ, должна имѣть законодательную власть. Всякому идейному союзу обыкновенно приходится видѣть на дѣлѣ, какъ глупые, взбалмошные и невѣжественные люди, руководимые исключительно суетнымъ тщеславіемъ, примыкаютъ къ нему и становятся подъ его знамя. Они совершаютъ нелѣпости и безсмыслицы, а раздраженные противники пользуются этимъ для того, чтобы указать на безразсудство всего союза и всѣхъ его членовъ“. Тюрго отказывался стать въ ряды физиократовъ, но, какъ мы увидимъ ниже, онъ во многихъ отношеніяхъ разделялъ ихъ взгляды.

Физиократы не были исключительно теоретической шко-

лой, они были также школой политической дѣятельности. Въ числѣ ихъ послѣдователей мы находимъ королей и князей. Сочиненія ихъ оказали большое вліяніе на великую французскую революцію, и даже въ наше время они еще не утратили своего значенія. Прежде чѣмъ выяснитъ происхожденіе и дать оцѣнку значенія ихъ научныхъ трудовъ, необходимо вкратцѣ указать на историческія условія, въ связи съ которыми должны быть разсматриваемы ихъ идеи.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія экономическое и финансовое положеніе Франціи было поистинѣ печально. Вопреки ея огромнымъ естественнымъ богатствамъ, разнообразію и благопріятности ея климатическихъ условій, вопреки плодородію прекрасно орошаемой почвы, бережливости, трудолюбію и интеллигентности ея населенія, всѣ попытки такихъ выдающихся министровъ, какъ Мазарини и Кольберъ, увеличить національное богатство страны оказались тщетны, благодаря безумной политикѣ „Великаго Монарха“. Огромныя траты на иностранные походы и безумная расточительность на родинѣ были причиною того, что послѣ его смерти, въ 1715 г., государство было обременено долгомъ въ 3460 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ болѣе 3300 фр. были сдѣланы уже послѣ смерти Кольбера въ 1683 году. Убийственныя войны, понизившія рождаемость и увеличившія смертность, „актъ религіозной нетерпимости, отвергнутый религіею“—¹⁾ изгнаніе протестантовъ—повели къ тому, что численность населенія сократилась съ 1660 года на 4 милліона, т. е. на 20%²⁾. Цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ понизилась на одну треть со времени вступленія на престолъ Людовика XIV. Налоговое бремя возрастало, несмотря на то, что число плательщиковъ уменьшилось. По расчетамъ компетентныхъ

¹⁾ Levasseur, Recherches historiques sur le système de Law. Paris, 1854 p. 1.

²⁾ Lavergne, Les économistes français du XVIII siècle, Paris, 1870 p. 65. Тѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, преувеличиваетъ цифру смертности, бывшую результатомъ нищеты и голода, считая ее равной 6 милліонамъ за промежутокъ отъ 1690 до 1715 г. L'ancien Régime, v. I p. 430.

судей оказывалось, что двѣ трети всей взимаемой суммы налоговъ поглощались издержками ихъ взиманія ¹⁾. Жалкіе преемники Людовика XIV, Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, и Людовикъ XV проматывали національные доходы..... Система Ло, которую обыкновенно считают въ значительной степени отвѣтственной за послѣдовавшія финансовыя затрудненія Франціи, въ дѣйствительности, какъ это не трудно доказать, въ общемъ имѣла очень мало вліянія или даже не оказала никакого вреднаго воздѣйствія на государственную казну ²⁾ ни въ ближайшее, ни въ болѣе отдаленное время. Она, напротивъ, послужила полезнымъ урокомъ, показавъ воочию, какъ могущество кредита, такъ и связанныя съ нимъ опасности, и горькимъ опытомъ убѣдивъ массы въ безразсудствѣ погони за богатствомъ, путемъ игры, а не посредствомъ честнаго труда. Дворъ продолжалъ по прежнему поддерживать свой наружный блескъ, а *сенаторы*, окружавшіе короля въ Версалѣ, соперничали другъ передъ другомъ въ роскоши и расточительности. Земледѣльцы, въ лицѣ молодого поколѣнія, покидали села; забросивъ свои мрачныя фермы и скрываясь отъ ненавистной военной службы, они стремились въ города, куда ихъ манилъ блескъ и то обезпеченіе, какое сулило имъ услуженіе у привилегированныхъ классовъ. Такой отливъ экономическихъ силъ изъ селъ въ городъ еще болѣе увеличилъ контрастъ между роскошью и нищетою, а превратная финансовая система всею своею тяжестью ложилась на и безъ того уже подавленную національную промышленность. Обложенію прямымъ налогомъ—*taille*—подлежали только лица низшаго сословія и ихъ имущества, а не дворянство и духовенство, которыя, благодаря остатку феодальныхъ фикцій, были обязаны королю только личною служ-

¹⁾ Quesnay, приводится у Лаверня.

²⁾ Люди, осуждающіе Ло, вѣроятно, найдутъ пищу для размышленій въ томъ фактѣ, что разоренный, впавшій въ немилость и изгнанный изъ Франціи, оный получилъ приглашеніе отъ русскаго царя занять постъ министра финансовъ. Ло отклонилъ это предложеніе. Lemontey. Histoire de la Régence, 1832 v. I p. 342.

бою, а не деньгами, такъ что самый фактъ обложенія *taille* былъ равносильнъ лишенію дворянства. Лицо, имѣвшее возможность купить дипломъ на дворянство, тѣмъ самымъ освобождалось отъ уплаты *taille*. Неравномѣрность, с которой этотъ налогъ взимался въ различныхъ мѣстахъ и съ различныхъ людей, являлась еще новымъ источникомъ народнаго обремененія. *Cabelle*, косвенный налогъ, установленный на соль, въ однихъ округахъ доходилъ до 62 франковъ съ квинтала, въ другихъ онъ равнялся 33 фр. 12 су, въ третьихъ— 21 ф. 12 су; въ нѣкоторыхъ округахъ населеніе откупилося отъ него, а въ другихъ оно было освобождено отъ уплаты его. За исключеніемъ этихъ привилегированныхъ округовъ, въ остальныхъ всякое лицо, старше 8-ми лѣтняго возраста, должно было оплатить налогомъ, по меньшей мѣрѣ извѣстное количество соли (*sel de devoir*); самое взиманіе производилось съ возмутительною жестокостію и поглощало до 50% собираемой суммы. Косвенные налоги сдавались на откупъ компаніи финансистовъ (*fermiers-généraux*), которые ежегодно уплачивали государству впередъ извѣстную сумму и, такимъ образомъ покупали собираемые ими взносы. Вооруженные подавляющею властью, они производили домашніе обыски, конфисковали имущество, заподозрѣнное въ контрабандномъ провозѣ, преслѣдовали и задерживали контрабандистовъ (которыхъ ожидала каторга или висѣлица), чѣмъ вызывали не мало кровопролитныхъ столкновеній..... Въ 1737 году *сogée*, состоящая въ обязанности крестьянъ снабжать государство даровымъ трудомъ и службою, въ томъ числѣ посвящать ежегодно опредѣленное количество дней на починку дорогъ—было распространено на всю страну. Стоимость дарового труда равнялась 1.200,000 ливровъ въ 1758 году, причемъ самымъ крестьянамъ трудъ обходился въ значительной степени дороже. По расчетамъ Неккера эта сумма доходила до 624,000 ливровъ для одного лишь Берри. *Согée* обнимала собой также постоя и провозъ солдатъ. Правда, регулярная армія набиралась посредствомъ системы найма или вербовки, а не путемъ рекрутскаго набора; но каждый округъ обязанъ былъ поставить въ ополченіе извѣстное число новобранцевъ. Служба эта была

настолько тягостна что рекруты бѣжали въ лѣса и горы, а въ погоню за ними слѣдовали ихъ сосѣди, которые вовсе не желали отбывать службу за нихъ. Волонтеры-замѣстители не принимались на службу, дабы не подорвать самой системы набора. Независимо отъ этихъ и многихъ другихъ національных бѣдствій существовала еще десятина и иныя многочисленныя обременительныя повинности. Мелочная регламентація стѣсняла промышленность и торговлю. Въ 1664 году Кольберъ облегчилъ и упростилъ систему пошлинъ ¹⁾, но Форбонне все же насчитываетъ 28 видовъ пошлинъ въ одномъ только округѣ Луары. До 1754 года свободный вывозъ хлѣба изъ одной провинціи Франціи въ другую, а тѣмъ болѣе въ иностранныя государства,—былъ воспрещенъ. Крестьянинъ былъ опутанъ сѣтью повинностей по отношенію къ своему феодальному владѣльцу, и, хотя нѣкоторые платежи были прямо ничтожны, тѣмъ не менѣе, они вызывали ужасное раздраженіе. Финансовый дефицитъ былъ хроническій. Національный капиталъ, служившій жизненнымъ источникомъ промышленности, продолжалъ отливать, и силы націи истощались. Часто не хватало сѣмянъ для посѣва. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія огромныя площади земли оставались необработанными, и на значительномъ протяженіи страны бѣдняки были принуждены питаться травою и водою какъ стада въ поляхъ. На вопросъ короля, обращенный къ епископу Шартрскому, о томъ, какъ живетъ его паствѣ, тотъ отвѣчалъ, что прихожане его ѣдятъ траву, какъ овцы, и мрутъ, какъ мухи. Епископъ Клермонъ-Феррана, описывая условія жизни своей паствы, говорить о ней, что, лишенная даже кроватей и домашней утвари, она большую часть времени проводитъ безъ единственной своей пищи—ячменнаго хлѣба и овсяныхъ лепешекъ; по мнѣнію епископа; ея положеніе гораздо печальнѣе положенія негровъ-рабовъ въ колоніяхъ, у которыхъ, по крайней мѣрѣ, есть хлѣбъ и одежда. Правительственный комиссаръ (intendant) Буржа доносилъ, что многія семьи по два дня оставались безъ пищи, и что въ нѣкоторыхъ

¹⁾ См. P. Clément. Colbert, Lettres et Instructions, 112, 787—796.

округах голодающіе по цѣлымъ днямъ не встаютъ съ своего ложа, желая сократить свои страданія. Его коллега въ Орлеанѣ рассказываетъ о бѣдныхъ вдовахъ, которыя должны были сжечь, за недостаткомъ топлива, свои деревянные кровати и плодовые деревья. Нищихъ было безконечно много. Хлѣбные бунты повторялись такъ часто и съ такимъ ожесточеніемъ, что ихъ можно было подавить только съ помощью оружія, Молодые люди и дѣвушки отказывались вступать въ бракъ, не желая увеличивать числа нищихъ. И, тѣмъ не менѣе, все это время даже самыя бѣдныя семьи были вынуждаемы къ уплатѣ налоговъ. Сборщики взымывали двери, захватывали утварь, одежду и даже послѣднюю мѣру муки; они продавали даже матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы постройки, притомъ по такой ничтожной цѣнѣ, что ея не хватало на уплату расходовъ по описи имущества. Повинности, собираемыя съ земли, были настолько раззорительны, что нѣкоторые владѣльцы предпочитали покинуть свои фермы, и многіе послѣдовали бы этому примѣру, если бы законъ не конфисковалъ всего находящагося въ данномъ мѣстѣ имущества того собственника, который забрасывалъ свою землю. „Французскій народъ того времени“, говоритъ Тэнъ, „подобенъ человѣку, шествующему по подбородокъ въ водѣ; достаточно малѣйшей неровности дна, ничтожнѣйшей струи, и онъ теряетъ равновѣсіе, падаетъ и захлебывается. Тщетно старая благотворительность и новая гуманность пытаются помочь ему; вода слишкомъ высоко поднялась. Необходимо, чтобы уровень ея понизился, и чтобы она нашла какой-нибудь выходъ. До тѣхъ же поръ, несчастному человѣку суждено дышать только урывками, и каждую минуту онъ рискуетъ утонуть ¹⁾“. Правда, кое-гдѣ, нѣкоторымъ изрѣдка удавалось припрятать немного денегъ и втайнѣ пользоваться извѣстнымъ относительнымъ достаткомъ. Въ та-

¹⁾ Taine, L'Ancien Régime, vol. I pp. 429—441. Онъ указываетъ на то, что средняя сума обложенія мелкаго крестьянина-собственника (taille и пр. десятина и феодальныя повинности) равнялась 82% всего его бюджета.

кихъ случаяхъ, они, или пріобрѣтали клочекъ земли, что увеличивало число жертвъ господствовавшей податной системы, или же прятали свои деньги въ потайныхъ мѣстахъ. Такъ какъ при обложеніи руководствовались внѣшнимъ богатствомъ облагаемаго лица, то не было никакихъ побудительныхъ мотивовъ къ улучшенію хозяйства и къ увеличенію его доходности, ибо сборщики-хищники могли конфисковать такую часть доходовъ, которая въ значительной степени превосходила добавочную прибыль. Плательщики откладывали уплату налоговъ, умышленно подвергая себя законной отвѣтственности, держа и кормя у себя по цѣлымъ днямъ сборщиковъ изъ опасенія, чтобы быстрая и аккуратная уплата повинностей не вызвала бы подозрѣнія въ большемъ богатствѣ и не привела бы на слѣдующій годъ къ увеличенію обложенія. Дворяне, дѣйствительно, стояли между народомъ и трономъ, но, по исполненнымъ горечи словамъ Шанфора, „они занимали такое же положеніе, какое занимаютъ борзые собаки по отношенію къ охотнику и зайцу“.....

Таковы были въ общихъ чертахъ экономическія бѣдствія стараго режима (ancien régime). Столь печальное положеніе вещей не могло не вызывать критики мыслящихъ людей того времени. Минуя Лабрюэра и Фенелона, мы подходимъ къ концу семнадцатаго столѣтія, къ эпохѣ, когда дѣйствовалъ Буагильберъ, мужественный, краснорѣчивый и хорошо освѣдомленный писатель (1647—1714) ¹⁾. Онъ былъ государственнымъ чиновникомъ въ Нормандіи и далъ намъ картину, въ которой изобразилъ народную нищету, очертилъ ошибки правительства и взаимныя отношенія между народомъ и правительствомъ, и подвергъ ихъ немилосердной критикѣ. Онъ побуждалъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ министровъ приступить къ реформамъ, упростить и понизить налоги. Убѣжденный въ томъ, что земледѣліе, эта существеннѣйшая хозяйственная отрасль страны, гибнетъ, онъ настаивалъ на уничтоженіи оковъ, связывавшихъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю ²⁾. Наконецъ онъ впалъ въ

¹⁾ Détail de la France 1707.

²⁾ Впрочемъ, свободу ввоза онъ допускалъ только въ голодные годы.

немилость и былъ высланъ въ Овернь, во избѣжаніе докучливаго его вмѣшательства въ государственныя дѣла. Въ 1707 году, великій воинъ маршалъ Вобанъ, на 74-мъ году своей жизни выпустилъ въ частное обращеніе свое анонимное сочиненіе *Dixme Royale* или предложеніе замѣнить разнородные налоги общею десятиною, наложенною на всѣ общественные классы и на всѣ виды доходовъ. Въ этомъ же году онъ умеръ отъ огорченія, причиненнаго ему королевской немилостью и задержаніемъ его книги, угрожавшей, якобы, общественной безопасности ¹⁾. Въ его смѣломъ проектѣ упрощенія обложенія армія финансистовъ и чиновниковъ узяла угрозу неприкосновенности своего положенія. Предложенія, направленные къ тому, чтобы обложить привилегированные классы наравнѣ съ другими, само собою разумѣется, должны были возмутить ихъ. Самолюбіе короля не могло не быть уязвлено тою наивною, съ которою Вобанъ доказывалъ ему, что онъ, какъ это писалъ С. Симонъ въ тиши своего кабинета, не величайшій монархъ Европы, а просто „король оборванцевъ“. „Впродолженіе моихъ сорокалѣтнихъ странствованій, говоритъ Вобанъ, „я дѣйствительно внимательно изучалъ положеніе народа. Буагильберъ ²⁾ вполне правъ. Обложеніе достигло апогея нелѣпости. Улицы и дороги кишатъ нагими и голодными людьми. Изъ десяти человѣкъ одинъ нищій, пятеро слишкомъ бѣдны для того, чтобы подать ему милостыню, трое, навѣрное, больны или обременены долгами или процессами, а десятый не представляетъ въ своемъ лицѣ и 100,000 семействъ. Я

¹⁾ См. изслѣдованіе на эту тему А. М. Boislisle—*De la proscription de la dixme royale*. Paris. 1875. Напечатанныя тамъ officialныя данныя показываютъ, какъ близко къ сердцу принялъ Вобанъ запрещеніе, наложенное на эту книгу, и какъ оно было строго выполнено; вѣстѣ съ тѣмъ эти данныя опровергаютъ утверждаемое Вольтеромъ и другими писателями мнѣніе, будто авторъ этой книги былъ Аббатъ-де-Бомонъ, а не Вобанъ. Вслѣдъ за запрещеніемъ, наложеннымъ на *Dixme Royale* 14 марта 1707 г., въ тотъ же день было задержано *Factum de la France* Буагильбера за его возмутительный характеръ.

²⁾ Вобанъ познакомился съ нимъ лично.

не думаю, чтобы можно было насчитать болѣе 10,000 богатыхъ людей; къ нимъ и принадлежатъ состоятельные купцы, чиновники и любимцы короля. Отбросьте ихъ, и у насъ не останется богачей“.

Онъ клеймилъ роскошь, привилегіи, государственные долги и систему откупа налоговъ, прославлялъ трудъ, земледѣліе и равенство передъ закономъ: короли—утверждалъ Вобанъ—весьма серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы не обременять свой народъ непосильными тяготами, лишаящими его даже необходимыхъ средствъ существованія.

Полстолѣтіе должно было пройти прежде, чѣмъ идеи Вобана вновь возродились въ видоизмѣненной формѣ въ ученіи физиократовъ, причемъ ораторъ ихъ былъ посаженъ въ тюрьму за подобныя рѣчи. Такова была ободряющая атмосфера, окружавшая первыхъ писателей, затронувшихъ вопросы обложенія. Послѣ Вобана они долго хранили молчаніе, и національный умъ, казалось, лежалъ подъ спудомъ. „Правительство“, говоритъ Бокль ¹⁾ „подавило духовныя силы страны“. Система Ло была причиною появленія цѣлаго ряда сочиненій о бумажныхъ деньгахъ, и въ 1734 году Мелонъ, бывшій министръ юстиціи, издалъ свой *Essai politique sur le commerce*. Въ 1724 году аббатъ Алари основалъ небольшой клубъ *Club de l'Entresol*, который собирався въ его квартирѣ ²⁾, на Вандомской площади въ Парижѣ; здѣсь обсуждались экономическіе вопросы. Въ числѣ членовъ этого клуба были Боллингброкъ, Д'Аржансонъ и аббатъ Сень-Пьеръ. Но въ 1731 году клубъ былъ закрытъ, потому что тогдашнему министру Флери не нравилось то, что тамъ занимались обсужденіемъ государственныхъ вопросовъ. Тогда исключенный изъ академіи Сень-Пьеръ занялся составленіемъ безчисленныхъ проектовъ; отъ ре-

¹⁾ Hist. of Civilisation in England, vol. II p. 291 ed. 1868.

²⁾ Въ домѣ президента Гено. Разсказъ объ этомъ клубѣ можно найти у Д'Аржансона. *Mémoires*, 1825, pp. 247—269. Болтувъ Аббатъ-де-Помпонъ былъ виновенъ въ закрытіи клуба. Разсказъ Лаверя объ основаніи клуба невѣренъ.